

Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. 1906. Вып. 1.

Список архивных фондов НА РК

- 1 – Канцелярия Олонецкого губернатора.
- 2 – Олонецкое губернское правление.
- 25 – Олонецкая духовная консистория.

Е.Ю. Дубровская

«НОВЫЙ» ЧЕЛОВЕК В «НОВОМ» ОБЩЕСТВЕ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ 1917–1920-х гг.

Последствия политики военного коммунизма для исторического развития северных губерний, как и всей России, не могут оцениваться лишь как результат введения большевистским правительством исключительно вынужденных обстановкой военного времени экономических элементов этой системы (продразверстка, централизация управления национализированной промышленностью, насильственная кооперация, уравнительное распределение, натурализация заработной платы, милитаризация труда и т.д.). [Булдаков, Кабанов 1990; Давыдов 2007: 6, 210–233; Осипова 1992: 111–114].

Наряду с «коммунизацией» деревни, усилением внеэкономического принуждения в сельском хозяйстве и промышленности, утверждением приоритета идеологии в области хозяйства наследие военного коммунизма сказалось и в духовной сфере. К началу 1920-х гг. произошло изменение социокультурного стереотипа России, отмеченное поравнением общественных групп, составлявших крестьянство и интеллигенцию, упадком нравов, распространением ригористических настроений, носители которых разделяли мир на «красных» и «белых», вульгаризацией языка, культивиро-

ванием представлений о советской стране как об осажденной врагами социалистической крепости, что порождало своеобразную «армейскую» психологию населения [Кабанов 1996: 142–147; Файджес 1994: 230–237; Nakamies 2010: 108–112].

Политика и практика «военно-коммунистического» руководства деревней, исходившая из центра и осуществлявшаяся главным образом при помощи военного аппарата, порой приобретала в карельской глубинке специфические проявления. Во многом они были обусловлены геополитическим положением русской Карелии и национальным составом населения входивших в нее северо-западных уездов Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Однако повсюду военный коммунизм был неотделим от характерного для всего общества особого психологического состояния.

Власть большевистского правительства, признанная радикализирувавшимся губсоветом на территории Олонецкой губернии лишь в начале января 1918 г., создавала свои ритуалы и символы, призванные заменить отжившие с ее точки зрения религиозные святыни. Со времени Февральской революции изменения, происходившие в жизни общества, широкие слои населения воспринимали как «воскрешение» – возрождение страны. Общество использовало подчас привычные и значимые религиозные образы и ритуалы, заменяя ими понятия и символы, лозунги и штампы, еще не укоренившиеся в массовой культуре [Колоницкий 2001: 336–344].

И после Октября 1917 г. новые революционные символы оказывали на население края, только что приобщившееся к политической жизни, особое эмоциональное и эстетическое воздействие. Победы, одержанные большевиками в их стремлении контролировать символы революции, значительно облегчали им задачу удержания завоеванной власти.

Наиболее заметные перемены в повседневной жизни городского и сельского населения Карелии, принесенные российской революцией 1917 г., коснулись крупнейшего из городов Олонецкой губернии – Петрозаводска. В соответствии с традициями городской политической культуры обитатели рабочих окраин стремились проводить митинги, демонстрации и шествия в центральной части

Петрозаводска, там, где прежде располагались губернские учреждения, жили высокопоставленные чиновники и состоятельные купцы. Эта территория воспринималась рабочими как место нахождения «социального противника», которое необходимо завоевать, освоить, сделать «своим» [Дубровская 2004: 168–172].

По воспоминаниям детства, оставленным петрозаводчанином А.М. Митрофановым, «центральный район города был самым красивым. Здесь поселялись самые зажиточные горожане – чиновники, дворяне, купцы, крупные специалисты и служащие Александровского завода. Многие из них жили на живописной Владимирской улице. Сейчас это Онежская набережная. Многие проживали на одной из главных улиц – Мариинской. В прежние времена она еще и Нагорной линией называлась, и улицей Английской. С Нагорной линии – улицы, идущей вдоль обрыва – открывался вид на пойму реки Лососинки с заводскими корпусами» [Митрофанов 1987: 51].

Выросший в рабочей слободке и на Голиковке, автор воспоминаний объясняет происхождение названия этой забытой «отцами города» окраины: «В 80-х годах XVIII века на отведенных к юго-западу от Александровского завода малопригодных земельных участках начали строить свои дома в два-три окошечка рабочие-мастеровые. Здесь стала проживать беднейшая часть населения. Дворяне, купцы, крупные чиновники презрительно называли живущих здесь людей „голь перекатная“. Отсюда и пошло название района – Голиковка» [Митрофанов 1987: 19].

Стремлением обитателей рабочих окраин утвердиться в центральной части губернского города отчасти объясняется выбор маршрута, по которому прошла первомайская демонстрация 18 апреля (1 мая н.ст.) 1917 г.

Собравшись на Петровской площади, перед домом заводского горного начальника, который горожане нередко называли «дворцом», и у Александровского завода, демонстранты с красными знаменами и с пением революционных песен двинулись по центральным улицам – Мариинской, Жуковского, Бородинской, а уже затем по Большой Закаменской прошли через Заводской мост на Голиковку. Шествие продолжилось по Лососинской, Машезерской,

Средне-Голиковской, Александровской улицам и через Абрамовский (Авраамовский) мост достигло второй «сакральной» точки на плане города – Соборной площади, где состоялся митинг под лозунгами: «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов!», «Да здравствует Интернационал!», «Мир без аннексий и контрибуций!» [Петрозаводск 2002: 204].

В ноябре 1918 г. в Петрозаводске и уездах (в селах Кузаранда и Горнее Шелтозеро Петрозаводского уезда, Видлицы и Большие Горы Олонецкого уезда, Поросозеро Повенецкого уезда) празднование первой Октябрьской годовщины в соответствии с новым стилем стало поводом как для усиленной пропаганды новых идеалов и ценностей, так и для низвержения прежних авторитетов. [Борьба за установление... 1957: 493–499].

Торжества в Петрозаводске, начавшиеся 7 ноября 1918 г., открылись артиллерийским залпом. В театре «Триумф» прошло торжественное заседание Советов, общественных организаций и красноармейских частей, почетным председателем заседания избрали В.И. Ленина [Известия 1918: 7, 8 ноября; Петрозаводск 2002: 236–237].

7 ноября в Петрозаводске состоялась манифестация, в которой участвовало около 15 тыс. человек, а 8 ноября – парад частей Красной Армии вместе с отрядами коммунистов Онежского завода и Мурманской железной дороги. В дни торжеств в честь первой годовщины Октября главные городские здания украшали гирлянды, на изготовление которых потребовалось 20 возов хвой, у горсовета была сооружена триумфальная арка с революционными плакатами. Празднества длились несколько дней, и ревком грозил арестом и тюремным заключением любому, нарушившему сухой закон и дисциплину «в дни пролетарского торжества» [Известия 1918: 7, 8 ноября; Борьба за установление... 1957: 493–499; Пашков, Филимончик 2001: 77–78].

К первой годовщине Октябрьской революции центральные улицы города были переименованы в честь вождей мирового и российского пролетариата. Соборная и Мариинская объединились в проспект Карла Маркса, имя Фридриха Энгельса получили быв-

шие Английская, Петроградская улицы и Тюремный переулок. Улица Бородинская стала улицей В.И. Ленина, Екатерининская – Л.Д. Троцкого, Жуковская – Г.Е. Зинovieва, Большая Голиковская – В.В. Володарского, Протасьевская – А.В. Луначарского. Память о другом петрозаводском губернаторе – В.А. Левашове – представлялась менее значимой в сравнении с памятью о немецком революционере К. Либкнехте, в честь которого стал называться основанный губернатором бульвар. Главные площади города теперь были не Соборной и Петровской, а площадями 25 Октября и Свободы.

Искоренялись напоминовения о православных церковных праздниках и символах, традиционных именах царской династии: Никольская улица стала Красной, Александровская вместе со Средне-Голиковской – проспектом Урицкого, Предтеченская – Вольной, Рождественская – улицей Коммунистов, Дмитриевская – Шоссе 1 Мая, Ивановская – Северной, Владимирская набережная – Онежской. Переименования коснулись и городских мостов. Старый Авраамовский мост получил название Советского, а Пименовский, построенный купцом М. Пименовым, стал называться Зарецким. Имя А. Кузьмина, казненного в 1908 г. за покушение на председателя Петербургской судебной палаты сенатора Н.С. Крашенинникова, было увековечено в названии бывшей Задне-Машезерской улицы [Известия 1918: 6 ноября; История Карелии 2001: 308].

Немедленной ликвидации подлежали и памятники Александру II и Петру I как память о павшей династии. Они были сброшены с пьедесталов и много лет лежали в губернаторском саду, переименованном в Парк пионеров. В годы Гражданской войны в Карелии в губернском центре Петрозаводске возникла новая святыня – городской некрополь. В июне 1919 г. Олонецкий губком РКП (б) и ревком приняли решение устроить вблизи площади 25 Октября братские могилы коммунистов, павших смертью храбрых в боях с белыми [Пашков, Филимончик 2001: 52, 77; Филимончик, Гольденберг 2003: 158–159]. Церемония захоронения вне традиционных кладбищ была уникальна для Петрозаводска, но вписывалась в контекст новой общероссийской городской культуры.

Своеобразной формой политического просвещения и агитации горожан стали так называемые суды над явлениями и личностями, вызывавшими неоднозначное отношение в разных слоях общества. 6 октября 1920 г. такой «суд» был проведен над главой советского государства В.И. Лениным. Это, несомненно, свидетельствовало о еще сохранявшейся видимости демократических традиций, унаследованных от периода революционного преобразования всех сторон жизни города и деревни, несмотря на усиление чрезвычайных мер военного времени.

Процедура «суда», проводившаяся в городе во второй раз в качестве одного из мероприятий советской индоктринации, проходила в Народном театре драмы и привлекла многочисленных зрителей. Невзирая на холод в помещении, публика готова была оставаться в зале «суда» в течение 5 часов, на которые была рассчитана драматургия действия. Перед собравшимися, писала «Олонецкая коммуна», прошла «интересная галерея „типов“ как со стороны обвинения („фабрикант, кулак, спекулянт“, сюда же попали „меньшевик“ и „интеллигент“), так и со стороны защиты („рабочий, батрак, раскаявшийся интеллигент“). Примечательно, что роль „обвинителя“ была доверена члену Ревкома Карельской Трудовой Коммуны В.М. Куджиеву. Несмотря на блестяще произнесенную „обвинительную“ речь, его выступление „удостоилось лишь нескольких жидких хлопков“, отмечалось в газетной публикации, тогда как речь „защитника“ Троянкера „была покрыта громом аплодисментов“» [Олонецкая коммуна 1920: 7 ноября].

Победы, одержанные большевиками в их стремлении контролировать символы революции, значительно облегчали им задачу удержания завоеванной власти, однако не всегда предсказуемое воздействие новых символов на крестьянское сознание, которое в условиях запрета на религию становилось квази-религиозным, подчас вело к трагическим последствиям.

24 января 1919 г. в Лодейнопольский уездный исполком из с. Винницы поступила телеграмма уездной ЧК о расстреле заложников участниками митинга-протеста против убийства «германской

буржуазией» немецких коммунистов К. Либкнехта и Р. Люксембург. О беспрецедентном событии в с. Винницы свидетельствует телеграмма от 7 февраля наркома внутренних дел Г.И. Петровского в Олонецкий губисполком, требовавшая принять срочные меры против террора [НА РК, ф. 639, л. 6–6 об., 10; Урок истории... 1994: 30, 47].

Митинг проходил под председательством члена Лодейнопольского уездного комитета Анисимова. Собравшиеся почтить память мучеников революционного движения участники волостного съезда, красноармейцы и крестьяне, свою верность их делу доказывали тем, что убивали своих же односельчан – «буржуев из местных крестьян», причем «в расстреле принимали участие, кто хотел» [История Карелии... 2001: 406]

«Революционное настроение в деревнях настолько поднялось против буржуазии, – сообщалось в отчете Олонецкого губкома ЦК РКП (б) о своей деятельности за 1919 г., – стремление наладить новую жизнь настолько созрело, что в деревне стал возможен такой инцидент, как расстрелы в Винницкой волости пяти буржуев в отместку германской буржуазии за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург» [Там же: 406].

Новые «иконы» мучеников занимали в представлениях жителей Карелии место привычных намоленных образов. По свидетельству исследователя, после окончательной победы над белым движением на Водлозере сторонники советской власти своеобразно рассчитались с земляками, ушедшими вместе с белогвардейцами. Поскольку водлозеры молились каждый своим иконам, принесенным в церкви и часовни, иконы «предателей» выносились на улицу и расстреливались из винтовок и ружей. Как отмечает К.К. Логинов, «своих» икон красные не трогали, и все же святотатственные расстрелы икон по Водлозерью носили массовый характер¹ [Логинов: 172]. По свидетельству исследователя, в часовне на Выгострове, расположенном в южной части Водлозера, до сих пор находится такая «расстрелянная» икона. Старожилы вспоминают, что когда красные отряды подошли к Водлозе-

¹ Приношу благодарность автору монографии за сведения, полученные им во время многочисленных экспедиций на Водлозеро.

рю, сторож этой часовни сжег все старые личные иконы, которые хранились в ней (в большинстве это были древние дониконианские иконы XV–XVI вв., не стоявшие в иконостасе), чтобы победители не надругались над ними.

Стремление к отказу от прежних ценностей во имя новых проявилось и в желании жителей Карелии переименовать отдельные населенные пункты края. Военный моряк Онежской флотилии Ремизов, в начале 1920 г. выезжавший в составе матросской делегации в Заонежье для работы в деревне, отчитывался о собрании, состоявшемся 12 января в деревнях Царевичи, Чупа и Косалма Кончезерской волости Петрозаводского уезда.

Во время собрания крестьяне д. Царевичи спросили, «нельзя ли переименовать деревню, т.к. мы, крестьяне, боремся против всякого ига и насилия, то эти царевичи нам кажутся ненавистны». На вопрос, как бы они хотели ее назвать, отвечали: «как выше и лучше». В связи с предложением военного моряка дать название «в честь нашего великого вождя товарища Ленина» «настроение у товарищей крестьян сделалось необычайно воодушевленное», они «в один голос закричали: „Да, будем мы ленинцы!“» и просили дать объявление о переименовании в губернской газете „Олонецкая коммуна”» [РГА ВМФ, ф. р-124: 17]. Резолюцию собрания по докладу Ремизова о текущем моменте вместе с гражданами Чупы и Косалмы подписывали уже «жители деревни Ленина».

Однако свидетельствам о полном единодушии всех участников подобных мероприятий не всегда можно доверять. Это очевидно в случае с рассказом военного моряка П. Тароева о его поездке в конце декабря 1919 г. по деревням Олонецкого уезда, и в частности о посещении Александро-Свирского монастыря. Из отчета следует, что здесь было созвано «собрание монахов и граждан ближайших деревень» и «прочитана лекция по религиозному вопросу», после которой «большинство монахов и граждан остались довольны» [РГА ВМФ, ф. р-124: 16].

В действительности же ломка крестьянского мировоззрения потребовала долгого времени. Подтверждением тому могут служить заявления крестьян, о которых говорится в ноябрьской сводке

1918 г., посвященной деятельности волостных советов, отделов внутренних дел и комбедов. Сообщалось, что крестьяне отказывались снимать иконы, утверждая, что «должны жить как предки» [НА РК, ф. 29: 35].

Военных моряков Онежской флотилии, как и бойцов РККА, служивших в частях на территории Олонецкой и Архангельской губерний, не обошло влияние официальной пропаганды, культивировавшей в целях унификации общественных структур социальную рознь и классовую борьбу, чувство ненависти к богатым (впоследствии оно получит и более конкретную адресность, будет направляться против нэпманов).

Образ классового врага-«буржуя», виновника всех бед, сформированный в 1917 г. усилиями и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, на уровне массового сознания зачастую оценивался иначе, чем это делала партийная антибуржуазная пропаганда, и вмещал в себя «всяческих господ», одетых «по-городскому». Представления о людях, чей образ жизни отличался от образа жизни рабочих и крестьян, нашли отражение в воззвании одного из военных моряков, выезжавших в Заонежье.

В обращении «К братьям-крестьянам Шуныгской волости», датированном началом 1920 г., автор вопрошал: «Где же жили буржуа – помещик и капиталист?» – и отвечал на этот вопрос так: «Они жили во дворцах и „верхних этажах“, куда попадали на подъемной машине. И там идет день и ночь всевозможное гулянье, балы и т.п. У них в квартире кругом зеркала, мягкая мебель, обшитая шёлком и бархатом, у них золото и бриллианты, у них самые хорошие платья, которые меняли каждый день» [РГА ВМФ, ф. р-124: 2]. Как и в период революции, в годы Гражданской войны использование понятия «буржуй» способствовало дальнейшему обострению социокультурного конфликта [Колоницкий 1993: 195].

В эпоху военного коммунизма новая советская индоктринация включала в себя призывы к искоренению буржуазии, к наступлению на церковь и старую интеллигенцию, предполагала распространение уравнилельных настроений и обещаний построения коммунистической цивилизации во всем мире.

Литература

Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3.

Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: Сб. док. и матер. Петрозаводск, 1957.

Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921. СПб, 2007.

Дубровская Е.Ю. Новая символика городского пространства Петрозаводска в 1917–1919 гг. // Пространство и время в восприятии человека : историко-психологический аспект. Матер. XIV междунар. науч. конф. Ч.1. СПб, 2004. С.168–172.

Известия Олонецкого губсовета. Петрозаводск, 1918.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Кабанов В.В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Анатомия революции: 1917 год в России : массы, партии, власть. СПб, 1994. С. 195–198.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб, 2001.

Логинов К.К. Повседневный быт и магия русских Водлозерья (рукопись).

Митрофанов А.М. Записки старого петрозаводчанина. Петрозаводск, 1987.

Олонецкая коммуна. Петрозаводск, 1920.

Осипова Т.В. Крестьянство в гражданской войне // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1. Вологда, 1992.

Пашков А.М., Филлимончик С.Н. Петрозаводск. СПб, 2001.

Петрозаводск.1703–2003. Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002.

Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // Анатомия революции: 1917 год в России : массы, партии, власть. СПб, 1994. С. 230–237.

Филлимончик С.Н., Гольденберг М.Л. История Петрозаводска: Уч. пособие. Петрозаводск, 2003.

Урок истории дает архив. Петрозаводск, 1994.

Hakamies P. The Modernisation Process Among Fenno-Ugric Peoples of the Soviet Union: Karelians // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 9–14 VIII. 2010. Pars 1. Piliscsaba, 2010. P.105–125.

Архивные материалы

НА РК, ф.29, оп.1, д.6/81.

НА РК, ф.639, оп.1, д.186.

РГА ВМ, ф. р-124, оп.2, д.125.

З.И. Строгальщикова

ВЕПСКИЙ ПРАЗДНИК «ДРЕВО ЖИЗНИ»

Вепский праздник «Древо жизни», который ежегодно проходит во второе воскресенье июня чаще всего в с. Винницы Подпорожского района Ленинградской области, широко известен как национальный праздник вепсов¹ [Строгальщикова 2008: 59]. В Ленинградской области он имеет статус областного праздника². В последние годы праздник «Древо жизни» стал одним из самых посещаемых этнических праздников, проводимых в сельской местности на всем Северо-Западе России. Информация о нем включается в календари событий Ленинградской области и Санкт-Петербурга, размещается на сайтах туристических агентств, форумов, в каталогах и вестниках³, а в последние годы к каждому празднику издаются иллюстрированные программы, буклеты, листовки, в том числе с материалами на вепском и финском языках, начал работать отдельный сайт⁴.

¹ С 2000 г. вепсы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 14. Ст. 1493. По переписи 2002 г. их численность составляет 8 240 человек. Максимальной, по данным официальной статистики, она была в 1926 г. – 32773.

² Вепский праздник «Древо жизни» включен в региональную целевую программу, утвержденную Законом Ленинградской области от 2 апреля 2008 г. № 18-оз «О региональной целевой программе „Культура Ленинградской области” на 2008–2010 годы». См.: http://www.fpa.su/docs/stat/8779_stat.html

³ Календарь событий Ленинградской области. Март 2010 – март 2011. См.: <http://www.lentravel.ru/kalendar>

⁴ Информация о празднике «Древо жизни» размещается на сайтах: <http://www.velikie-ozera.ru>; <http://www.vinnici.ru> Буклеты: Древо жизни. Национальный вепский праздник. 2008; Древо жизни. Областной вепский праздник. Буклет праздника. 2009; Древо жизни. Alueellinen vepsäläinen juhla. Juhlan mainoslehtinen 2009; Праздник вепской души. 2009. Древо жизни. Областной вепский праздник 2009. Вепская кадриль.